

УДК 811.512.31

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ТЕРМИНА «СУНКОК»

ON THE ORIGIN OF GEOGRAPHICAL TERM «SUNKOK»

Е. Ч. Дыжитова

E. Ch. Dyzhitova

ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет», г. Чита

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения языкового происхождения местного географического термина *сункок*, активно использующегося в речи монголоязычного населения Агинского Бурятского округа Забайкальского края. Лексикографически этот термин не зафиксирован в бурят-монгольских источниках, поэтому данная статья – одна из попыток установить этимологическое значение термина с опорой на предыдущие исследовательские работы по топонимии Восточного Забайкалья.

Abstract. The article deals with the problem of linguistic origin of local geographical term *sunkok* which is used by Mongol speaking population of Aginsk Buryat District of Transbaikal. The author marks that this term was not fixed in the Buryat-Mongol sources in terms of lexicography, and makes an attempt to determine its etymology basing on the previous research on toponymy of Eastern Transbaikal.

Ключевые слова: *местная географическая терминология, языковой субстрат, этноязыковой субстрат, диахронные языковые контакты, субстратные топонимы, тюркские языки, бурятский язык, селькупский язык, кетский диалект селькупского языка.*

Keywords: *local geographical terminology, language substrate, ethno linguistic substrate, diachronic linguistic contacts, substrate toponyms, Turkic languages, Buryat language, Selkup language, Ket dialect of Selkup language.*

Актуальность исследуемой проблемы. В статье рассматривается проблема определения языкового происхождения местной географической терминологии на территории Забайкалья. Наличие подобной лексики обусловлено скорее фактором ареальности топонимической системы, нежели общностью языковой. Известно, что на смежных территориях с разноязычным населением топонимия разносистемна и неоднородна в языковом отношении. Данная неоднородность может проявиться в системе местных географических терминов, встречающихся в составе некоторых субстратных топонимов, этимологию многих из которых до сих пор не удалось установить.

Материал и методика исследований. Материалом исследования послужили полевые данные, собранные в ходе научных экспедиций 2007–2013 гг. В процессе работы были использованы сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический, этимологический методы исследования.

Результаты исследований и их обсуждение. В экспедиционной поездке 2013 г. по районам Агинского Бурятского округа Забайкальского края с целью сбора и систематизации местной географической терминологии был зафиксирован бурятский географический

термин *сункок* (ПМА 1) субстратного происхождения; его семантическое значение заключено, на наш взгляд, в корпусе каких-то иных языков, относящихся к палеоазиатским, тюркским, самодийским, но не в бурятском (ПМА 2), [2, 13]. Впервые сведения о функционировании данного термина в Забайкалье были получены по полевым материалам Р. Г. Жамсарановой в 2007 году. Поэтому одной из задач полевого исследования являлся сбор географической терминологии, не являющейся собственно бурятской или эвенкийской, но активно функционирующей в местных говорах бурятского языка. Оказалось, что слово *сункок* часто употребляется в таких районах, как Агинский, Дульдургинский, Ононский, Могойтуйский, т. е. в местах компактного проживания хоринских бурят. Географический термин *сункок/сунхох*, по мнению информантов, владеющих бурятским языком, является термином бурятского языкового происхождения и употребляется в следующих значениях: 1. Ключ в реке, маленькое глубокое топкое место; 2. Глубокий омут; 3. Прорубь (ПМА 1). Напомним, что в лексикографических источниках бурятского языка данный апеллятив отсутствует.

Каждая географическая зона имеет свои, только ей присущие природные условия, для отражения которых в языке служат особые, специфические географические термины. Они могут достигать большой точности детализации отдельных разновидностей объектов, не находя себе соответствий в литературном языке, где, наоборот, отмечается стремление к обобщениям. Дело в том, что любой местный говор дает более подробную классификацию, более мелкую детализацию в изображении своих природно-физических объектов, чем этого требует литературный язык [5, 100–101].

В «Словаре русских говоров Забайкалья» Л. Э. Элиасова есть семантически близкое к анализируемому термину слово *сунгай* – пологий пережат на реке. *То сунгай, а не порог. Сунгай-то чего бояться. Амалат. После сунгай пошла глубина, тут и стали ловить рыбу. Бодон. Когда рыба на икру метать идет, то весь сунгай белехонек.* Курумкан [11, 399]. На базе полевых материалов, собранных в 2010 году на территории Забайкальского края, нами были зафиксированы такие топонимы, как *п. Сонкока, кл. Сонкокский* (Краснокаменский район), *р. Сенкоуча (пр.пр.р. Унда), п. Сенкоуча, р. Сангинак (пр.пр.р. Нерча), оз. Сангошка* (Шелопугинский район), *оз. Сункурун* (Дульдургинский район). Также в картотеке полевых топонимических материалов, собранных за период 2005–2010 гг., обнаружены следующие топонимы: *п. Сонгич, п. Сангинная* (Оловянинский район), *руч. Сангошкин* (Кыринский район), *оз. Сангошка, р. Санга* (Акшинский район), *г. Сангина* (Балейский район), *оз. Сункурун* (Калганский район), *кл. Сонкокский, п. Сонкока* (Краснокаменский район), *п. Сенкокуча, п. Сенкоуча, р. Сенкокуча* (Шелопугинский район), *р. Сангинак* (Нерчинский район), *п. Сункосок, р. Санга* (Читинский район).

Если учесть субстратное языковое происхождение апеллятива *сункок*, который в процессе смешения языков трансформировался в *sunkok/sunqoq*, то возможно предположить, что изначально данный термин функционировал в языке агглютинативного строя со значительным количеством черт флективного: фузионные процессы на стыках морфем, отсутствие сингармонизма, чередование гласных и т. п. Исходя из этого суждения об агглютинативной природе исходного языка-субстрата, попробуем разложить данный термин на следующие составляющие – морфемы: *sun+kok/qoq*. В этом случае возможно предположить, что первая часть топоосновы восходит к пратюркскому названию воды *su:w* (древнетюркское *sub, suw, suy*, турецкое *su*, караимское *suw*, хакасское *suu*, якутское *и:*, чувашское *жуw*, чувашское диалектное *џи, џиw* и т. д.) [8, 88].

В тунгусо-маньчжурских языках, в частности эвенкийском, зафиксировано апеллятивное *сунгта*, *сунгтар* в значении 1. Глубина; 2. Глубокий [1, 620].

Вторая часть топоосновы, вероятно, также может быть связана и лексически, и семантически с терминами современных тюркских языков. Так, например, казахское *qaq* «лужа», киргизское *qaq* «небольшое углубление в горах, где задерживается влага атмосферных осадков», хакасское *хах* «место, где водится рыба» (сагайский диалект хакасского языка), «мусор, сор» (кызыльский диалект хакасского языка), барабинское *qaq* «стоячая вода, лужа, пруд» в большинстве тюркских языков приобрели значение «сухой, суша и т. п.» [9, 92].

В селькупско-русском словаре также зафиксированы следующие термины: *кока* ~ кетское *кокка* – в значении «яма»; кетское *кокай* – отыменное прилагательное в значении «глубокий» [7, 88]. При подобном сопоставлении фактов из таких разных языков, как тюркские и самодийские, мы руководствуемся предположением о субстратном языковом происхождении данного апеллятива, этимология которого уводит исследователя в более древние языки, нежели монгольские, в частности бурятский.

Можно предположить, что слово *сункок* является производным от неких ранее функционировавших языковых фактов неких более древних языков. В современных языках мы отмечаем наличие лексической корреляции слова *сункок* со словами из кетского диалекта селькупского языка: *кока* «глубокая яма, где водится рыба», то есть территориальное употребление, которое в каких-то иных сибирских (возможно, вымерших) языках могло сохраниться в форме, близкой по значению слову-термину *сункок*.

Другая версия происхождения апеллятива *сункок* опирается на метод изучения так называемых «народных» терминов для выявления этимологии географических названий, при этом всегда следует помнить о смысловых сдвигах, об изменении значения термина от места к месту. Такие сдвиги зависят от конкретных географических, исторических или экономических условий [5, 54]. Это объясняется тем, «что на старые родовые термины наступает волна новых географических терминов, постепенно изолирует их, лишает прежнего содержания и окончательно вытесняет из класса нарицательных имен в собственные имена» [10, 233]. Например, наиболее продуктивный географический термин общетюркского происхождения – «яр/яр/ер», который активно используется в образовании целого ряда топонимов Забайкалья. Р. Г. Жамсарановой замечено, что географический термин *яр/ер*, возможно, в эвенкийском языке получил оформление *дыр* ($d^*y^*yr + ien(e)$) и стал основой в диалектном *дыр/дырен* – «река»: например, *Дырендыканский хребет*, *Дырен*, *Тырин*, *Ердыю* и т. д. В якутском языке этот термин мог способствовать возникновению гидронимического термина *юр* в лексеме *юрях*, где *jur-* – «гора, возвышенность» + *ях(a)* – «река» (ср. самодийские топонимы *Курунг-Юрях*, *Отто-Юрях* и т. д.). Шорское терминованное *чер-* от общетюркского послужило основой для появления топонимов типа *Черново*, *Черновская*, *Усть-Черная*, *Черен*, *Чир-Абагайтуйский* и др. [2, 46–47].

Отталкиваясь от этого наблюдения, мы склонны также полагать, что апеллятив *сункок* в исходном языке мог иметь несколько иное морфологическое строение по сравнению с современным, т. к. входит в состав многих топонимов Забайкалья. Выделим следующие топонимы разных классов (гидронимы, лимнонимы, оронимы, орогонимы): *р. Санга*, *г. Сангина*, *р. Сангинак*, *п. Сангинная*, *оз. Сангошка*, *р. Сангошкин*, *р. Сенкоуча*, *п. Сенкоуча*, *п. Сенкокуча*, *р. Сенкокуча*, *п. Сонкока*, *кл. Сонкокский*, *п. Сонгич*, *кл. Сонкокский*, *п. Сонкока*, *оз. Сункурун*, *Сункосок* (микротопоним в окрестностях д. Тасей),

Сумкак. Общая основа топонимов *сан(к/г)*-/*сен(к/г)*-/*сон(к/г)*-/*сун(к)* выступает как топонима, которая, возможно, в семантическом плане коррелирует с апеллятивом ненецкого языка *хынгар* «углубление в капюшоне, углубление на местности».

Как отмечает В. И. Рассадин, «в бурятском языке, видимо, переход **s*→*h* произошел очень давно, поскольку *h*, развившийся из **s*, стал вступать в дистрибутивные отношения с фонемой *x*, появившейся на месте **q* и **k*, став ее аллофоном. Именно о давности этого процесса свидетельствует то, что в языковом сознании народа *h* перестал ассоциироваться с *s* и начал соотноситься с *x* [6, 79–80]. Рассадин предполагает, что *h* могло появиться в традиционных бурятских говорах «в результате перестройки всей звуковой системы бурятского языка из-за того, что некий субстрат или адстрат сыграл роль внешнего толчка и направил внутреннее развитие бурятской фонетики в иную сторону, чем в других монгольских языках» [6, 171]. Опираясь на это мнение, мы склонны определить топонимическую основу *сан(к/г)*-/*сен(к/г)*-/*сон(к/г)*-/*сун(к)* как производную от оригинальной северно-самодийской апеллятивной основы *хынг*-/*хэнг*- со значением «низменное место, углубление», где проявляется чередование согласных *x*//*s*.

Вслед за высказанным Р. Г. Жамсарановой мнением о том, что ойконим *Кункур* по своим физико-географическим характеристикам может быть сопоставим с ненецким апеллятивом *хыңгяр* «углубление; внутренняя часть (капюшона, шапки)» или же, что предпочтительнее, со значением слова *хыңгоць* «быть емким, вместительным», *хыңгота* «имеющий большую емкость; емкий, вместительный», считаем, что этимологию топонима *Кункур* возможно трактовать от ненецкого апеллятива в значении «емкий, вместительный», т. е. расположено село *Кункур* действительно в широкой, вместительной долине, окруженной небольшими сопками, что соответствует физико-географическим реалиям предлагаемого значения.

Как ранее отмечалось Р. Г. Жамсарановой, возможно лексико-семантическое сопоставление бурятского апеллятива *хунхэр* «долина, впадина, лог, лощина, низина, большой овраг» и ненецкого *хыңгяр* «углубление; внутренняя часть (капюшона, шапки)». При сопоставлении этих апеллятивов и их производных с учетом чередования гласного *ы/э* в ненецком языке (*хыңгяр* < *хэңгяр*) может иметь место гипотеза о переходе ненецкого апеллятива в виде древнего заимствования в лексический корпус бурятского языка (при посредстве какого-то языка-койне). Далее уже в бурятском языке как языке-«победителе» изначальный самодийский апеллятив превратился в апеллятивное бурятское *хунхэр* (т. е. ненец. *хэңгар* < бурят. *хунхэр*).

Вторая гласная *-э-* бурятского апеллятива *хунхэр* по своей природе отражает краткость исходной гласной *-я-* ненецкого *хэңгар*. Соотношение согласных *-ңг-* ненецкого апеллятива и *-нх-* бурятского может быть объяснимо широко распространенным явлением ассимиляции согласных в ненецком языке, сообразно которому (посредством одного из типов ассимиляции из трех) и произошел переход северно-самодийского *-ңг-* в бурятский *-нх-* [3, 129].

Другим примером, подтверждающим нашу гипотезу, является полевое исследование топонима *Сункосок* (микротопоним в окрестностях д. Тасей). Как считает Р. Г. Жамсаранова, лимноним *Тасей* образован от ненецкого апеллятива *тэйсий* «нижний, находящийся внизу; низ»; *тэйси* «внизу, книзу» [3, 127–128]. Лимноним *Тасей* – название одного из озер Ивано-Арахлейской системы, представляющей собой цепь озер, протянувшуюся от подножия Яблонового хребта на север от г. Читы, в которой озеро Тасей по своему расположению является нижним или крайним. *Сункосок* же по своему языковому

происхождению, на наш взгляд, также относится к ненецкому языку, так как и физико-географические реалии местности, и топоизоглосса самодийского языкового субстрата ареально совпадают с гипотезой о наличии самоедоязычных названий в определенных ареалах территории Восточного Забайкалья.

Резюме. Таким образом, наличие устойчивых топонимических изоглосс может служить подтверждением выдвигаемой версии о самоедоязычном языковом происхождении топонимов с основой на *сан(κ/з)/сен(κ/з)/сон(κ/з)/сун(κ)*.

Интеграционные этнические процессы, затронувшие и обусловившие соединение не только близкородственных родов и племен (соответственно их диалектов, наречий, говоров), но иногда и неродственных, обусловили формирование новых этноязыковых сообществ. Что касается Восточного Забайкалья, территории постоянного контактирования различных племен и народов на протяжении всей истории своего существования, можно предположить, что ареальная близость протобурятских (возможно, прототунгусских) племен и родов к монгольскому миру и обусловила монголоязычность бурят.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Василевич Г. М.* Эвенкийско-русский словарь: с приложением списка названий эвенкийских родов, дополнений к словарю, грамматического очерка эвенкийского языка. – М.: Гос. изд-во иностран. и нац. словарей, 1958. – 802 с.
2. *Жамсаранова Р. Г.* Географические родовые термины тюркского происхождения в топонимии Восточного Забайкалья // Языковая концепция регионального существования человека и этноса: материалы II Всероссийской научной конференции, посвященной памяти проф. И. А. Воробьевой / под ред. Л. И. Шелеповой. – Барнаул, 2005. – 379 с.
3. *Жамсаранова Р. Г.* Сравнительно-сопоставительный анализ аппелятивной лексики бурятского и ненецкого языков // Актуальные проблемы синхронии и диахронии разноструктурных языков: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции, посвященной 85-летию проф. В. И. Золхоева / отв. ред. В. М. Егудурова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского ун-та, 2013. – 248 с.
4. *Жамсаранова Р. Г.* Субстрат в топонимии Восточного Забайкалья. – Чита: Изд-во РИО ЗабГУ, 2011. – 237 с.
5. *Мурзаев Э. М.* География в названиях. – М.: Наука, 1979. – 168 с.
6. *Рассадин В. И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. – М.: Наука, 1982. – 199 с.
7. *Селькупско-русский диалектный словарь* / под ред. В. В. Быконя. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. – 348 с.
8. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 1997. – 800 с.
9. *Суперанская А. В.* Что такое топонимика? – М.: Наука, 1984. – 182 с.
10. *Рубцова З. В.* Из истории донской топонимии // Историческая ономастика / отв. ред. А. В. Суперанская; Институт языкознания АН СССР. – М.: Наука, 1977. – 308 с.
11. *Элиасов Л. Э.* Словарь русских говоров Забайкалья. – М.: Наука, 1980. – 472 с.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

- ПМА 1 – *Дыжитова Е. Ч.* Полевые материалы автора, 2013 г.
ПМА 2 – *Жамсаранова Р. Г.* Полевые материалы автора, 2007 г. (информант Г. А. Величковский, 1920 г. р.).